

РОЛЬ ПУШКИНИСТИКИ В ОЦЕНКЕ ФИЛОСОФОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: А.В. КАРТАШЕВ И С.Л. ФРАНК

Вынужденное расставание с Родиной русской интеллигенцией, не принявшей революционные изменения, и начало первой волны эмиграции произошли на волне незавершенных споров об А.С. Пушкине для судьбы русской культуры. Эти споры стали основой философских концепций о целях и задачах пушкинистики как науки, призванной раскрыть феномен пушкинского творчества. В статье рассматриваются концепции А.В. Карташева и С.Л. Франка. Их работы были написаны к 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина. Богослов А.В. Карташев в статье «Лик Пушкина» поставил вопрос о существовании «пассивной пушкинистики». Его концепция заострила внимание на явлении, которое станет важнейшей чертой русской интеллигенции XX в. Любительская или народная пушкинистика основана на внимательном отношении к академическому пушкиноведению и связана с читательской рефлексией, основанной на глубочайшем знании жизни и творчества Пушкина. С.Л. Франк обращается к проблеме постановки ключевых задач для академической науки. Они, по мнению философа, включают в себя исследование духовного мира Пушкина как факта национального самопознания. Несмотря на разницу в толковании пушкинистики, оба исследователя основываются на идее пророческой миссии Пушкина и науки, которая исследует его творчество.

Э.М. АФАНАСЬЕВА
EMafanaseva@pushkin.institute
д-р филол. наук,
главный научный сотрудник
Государственного института
русского языка
им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

Ключевые слова:
пушкинистика,
пушкиноведение,
А.С. Пушкин, русская
эмиграция, А.В. Карташев,
С.Л. Франк

DOI: 10.37632/PI.2020.280.3.001

Вопрос о роли Пушкина в судьбах людей, вынужденно покинувших Россию на волне революционных событий начала XX в., в настоящее время освещен довольно масштабно [2, 3, 7, 12, 13, 15]. Восстановлена история празднования пушкинских юбилеев в эмигрантской среде [4, 6, 9], описана атмосфера пушкинских выставок, проходивших за рубежом [14, 17]. В меньшей степени осознано то, какая роль отводилась пушкинистике – науке, которая, по мнению русской интеллигенции, призвана была не только сохранить пушкинское наследие, но и стать основой сохранения культурных ценностей дореволюционной России.

Русский исход и начало первой волны эмиграции произошли на волне незавершившихся споров о судьбе и предназначении Пушкина для русской культуры. Образ национального Поэта оформился в соотнесении с солнечной метафорой («Солнце русской поэзии закатилось» – некролог 1837 г. в Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду») и идеей всеовлечения («Пушкин – наше все» в статье А. Григорьева 1859 г. «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина»). Ко второй половине XIX в. доминантной становится идея пророческой миссии Пушкина для русской культуры. Окончательно она оформилась в «Речи о Пушкине» Ф.М. Достоевского (8 июня 1880 г.), подготовленной к празднованию дня рождения поэта и открытию ему памятника в Москве: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа», – сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех

нас, русских, нечто бесспорно пророческое» [5: 136]. По мнению Достоевского, «впоследствии ...будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всеобъединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» [5: 148]. Идея пророческой миссии Пушкина будет последовательно развиваться в философских статьях конца XIX в., в частности в работах В.С. Соловьева «Судьба Пушкина» и «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина», вышедших одна за другой в 1897 и 1899 гг.

В пику наметившейся религиозно-философской линии осмысления пророческой миссии Пушкина в дореволюционной России начинаются процессы, низвергающие сакральный вектор восприятия его творчества и судьбы. В 1912 г. выходит сборник «Пощечина общественному вкусу» с манифестом кубофутуристов: «Академия и Пушкин непонятнее иероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности» [8: 244]. И как гром среди ясного неба в 1916 г. появляется публикация П.Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» [18], где скрупулезно восстанавливаемая история дуэли сопровождается последовательным обвинением супруги поэта, что сродни очернению фамильной чести. Впоследствии факты, приведенные в монографии, будут опровергнуты; прежде всего это связано с кардинальным изменением отношения к Н.Н. Пушкиной. Но книга Щеголева окажет серьезное влияние на восприятие трагедии рубежа 1836–1837 гг. сквозь призму обвинительного пафоса, не щадящего семью поэта.

Революционные события, произошедшие в России, и великий исход первой волны эмиграции заставили русскую интеллигенцию прийти к четкому определению ценностных основ национальной культуры. Очевидно, поэтому одним из острейших вопросов для русской интеллигенции, оказавшейся вне России, стал вопрос не только о значении творчества Пушкина, но и о роли и задачах пушкинистики как науки, призванной представить жизнь и творчество национального поэта наиболее достоверно и полно. Для русских эмигрантов Пушкин становился символом национальной культуры и лучшим воплощением ценностей уходящей в прошлое имперской судьбы утраченной Родины.

Объединение эмигрантов под знаком Пушкина произошло на волне празднования дня рождения поэта. История этого единения восстановлена довольно полно. В 1925 г. было опубликовано воззвание к российским эмигрантам, инициаторами создания которого стали Педагогическое бюро в Праге, Союз русских академических организаций, Объединение русских учительских организаций, Объединение русских студенческих организаций и Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам. Приведем фрагмент этого призыва: «Мы обращаемся к местным русским ассоциациям, обществам и группировкам с призывом организовать ежегодный День русской культуры как средство объединения всех русских. Мы предлагаем выбрать дату 8 июня (26 мая старого стиля) для этого праздника – день рождения Пушкина, который более других оставил отпечаток своего гения в языке русского народа» [6: 46]. Как восстановили историки Русского зарубежья, в 1925 г. празднование дня рождения А.С. Пушкина прошло в 13 странах мира [9]. Эмигрантское единство стало основой в том числе и для создания зарубежной пушкинианы, которая включала в себя и научные исследования, и отдельный жанр – пушкинские речи, приуроченные к памятным датам – ко дню рождения и ко дню смерти поэта [10].

К 100-летию со дня кончины Пушкина очевидной становится сплоченность эмигрантов. Как отмечают Е.А. Бондарева и Ю.В. Мухачев, «бывали дни, когда русские люди были духовно едины, и к числу таких дней, несомненно, относятся Пушкинские торжества в 1937 г., когда в Белграде разворачивалась специальная программа, увидел свет «Пушкинский сборник», в который вошли статьи Вл. Ходасевича, Н.С. Трубецкого, С. Франка, И. Лапшина, Е. Аничкова, Петра и Глеба Струве, К. Тарановского и др.» [2]. Знаковыми событиями 1937 г. стали также пушкинские выставки в Париже и Харбине.

На волне осмысления роли Пушкина в контексте расколовшейся российской истории в эмигрантской среде остро начинает звучать тема пушкинистики (ср. [1]), которая воспринимается как наука, наделенная особой духовной миссией. Приблизительно в одно время, к 100-летию со дня смерти Пушкина, оформляются концепции богослова А.В. Карташева и философа С.Л. Франка.

Профессор Богословского института в Париже А.В. Карташев готовит речь «Лик Пушкина» к 100-летию со дня смерти поэта. В 1938 г. она будет опубликована отдельным изданием. В начале этой речи дается характеристика Пушкинским юбилеям: «Творится всякий раз

К 100-летию «русского исхода»

что-то необычайное, как только русские соприкасаются с Пушкиным. Пушкинские юбилеи приводят в движение весь русский мир. А сейчас это начало передаваться и всему чужестранному миру. Обычное юбилейное торжество вдруг переходит в какую-то духовную раскачку, переливающуюся через края всякой официальности. Умы пробуждаются, сердца окрыляются. Говорятся слова необычайные» [11: 302]. Автор-богослов сравнивает творчество Пушкина со «светским евангелием», природа которого особо ощутима в «безбожное время». В работе А.В. Карташева, очевидно, впервые четко обозначено явление, которое станет едва ли ни отличительной чертой русской интеллигенции всего XX в. Это явление присуще непрофессиональным литературоведам, что, однако, не только не умаляет его достоинств, а в какой-то степени делает его национальным достоянием. В терминологии Карташева оно называется «пассивной пушкинистикой», через которую выстраивается осознанная рефлексия читателя не только по отношению к художественному наследию Пушкина, но и по отношению ко всему, что так или иначе связано с жизнью поэта, его окружения, Пушкинской эпохой. Приведем фрагмент работы: «И если пушкинисты – «спецы» сосредоточиваются на тексте и генезисе писаний поэта (в этом деле им и книги в руки), то все мы – русские, профаны в искусстве и литературе, мы все поголовно тоже пушкинисты, так сказать, пассивные. Наша всеобщая пассивность – биография Пушкина. Его лицо, его быт, его среда, его время – весь воздух, которым он дышал, влекут нас к себе с неизъяснимой безоглядностью, с какой-то врожденной нам естественностью. Именно врожденной, потому что в пушкинской биографии мы погружаемся как бы в свое собственное, личное, обидеализированное, как «утро дней», прекрасное, как потерянный рай, невозвратимое прошлое. Это грезы русской Психеи о своем единственном суженом... Никакой археологический культ писательских реликвий не волнует нас так, как пушкинская реликвия. Русские сердца прямо физически ноют от приближения к ним, от одних дум о них. Это – брачная тайна, *тайна единственности любви*» [11: 306]. Христианские отсылки, соотносящие любовь к Пушкину со стремлением обрести потерянный рай, становятся не только воплощением эмигрантской боли переживаемого раскола, но и характеристикой русской души и русского сердца.

В работе А.В. Карташева ставится вопрос о природе личного открытия Пушкина читателем, проникновенно воспринимающим художественный текст, ответственно относящимся к историческому факту, биографическому

свидетельству. И с позиции личных открытий-переживаний биографии поэта и его мученической смерти А.В. Карташев говорит о светской канонизации Пушкина, происходящей в дни его поминовения: «Разве в эти дни, вновь перечитывая свидетельства участников последних страдальческих дней Пушкина, разве мы не возвышались в состраданиях ему до высот «страстных» переживаний, при виде и невинного страдальца и вместе великодушно кающегося благоразумного разбойника, спасающегося «о едином часе»? Чья смерть, чья кончина из русских великих людей так же несравнимо жгуче, садняще записалась на скрижалях русского сердца, плотяных? Ничья. Это – последнее «явления чрезвычайного и, может быть, единственного». Это инстинктивное соборное избранничество национальной души своего вождя и пророка. Своего рода светская, мирская, канонизация снизу, чрез «глас народа», как творятся и всякие подлинные канонизации. Официальное признание сверху лишь запечатлевает сложившийся факт» [11: 307]. Развитие мысли богослова в этом фрагменте текста формируется на основе читательской рефлексии. Чтение воспоминаний современников о предсмертных муках Поэта погружает в процесс переживания трагедии ухода Пушкина в соотнесении со страстными событиями Евангельской истории.

А.В. Карташев едва ли не первым обратил внимание на явление, которое можно назвать любительской пушкинистикой. И, как показывает практика, это явление укоренилось в русской культуре XX в., стало неотъемлемой ее частью. Любительская пушкиника основана на стремлении читателя постичь природу художественной мысли поэта, пройти собственный путь открытия каждого этапа его жизни, восстановить круг его общения, понять тайну его ухода. Так называемые пассивные пушкинисты XX в. стали внимательными и пытливыми читателями академических изданий и исследований. Академическая пушкиника едва ли не единственная гуманитарная наука, магнетически притягивающая к текстологическим, биографическим, историко-литературным открытиям, которые становятся методологическими образцами поисков и открытий в процессе читательской рефлексии русской интеллигенции.

Концепция С.Л. Франка, связанная с осмыслением целей и задач пушкинистики (в авторской терминологии – пушкиноведения), существенно иная. Находясь в эмиграции, философ постоянно обращается к осмыслению творчества Пушкина. В 1930–1940-е гг. он пишет более десятка статей, посвященных как мировоззренческой системе писателя, так и проблемам биографии.

В 1957 г. в Мюнхене публикуется обобщающий труд «Этюды о Пушкине», куда войдут пять уже ранее изданных статей о Пушкине.

В контексте философской пушкинианы С.Л. Франка особое внимание стоит обратить на статью «О задачах познания Пушкина», написанную к 100-летию со дня смерти поэта, в 1937 г. (первая публикация – «Белградский Пушкинский сборник», Белград, 1937). Начинается она с экскурса в историю пушкиноведения, к 1930-м гг. уже оформившимся в цельную науку. Академическим фундаментом этой науки, по мнению Франка, стали принципы создания научной биографии поэта (начиная с «Материалов к биографии Пушкина» П.В. Анненкова) и публикация собрания сочинений, начиная с «приступа к академическому изданию сочинений Пушкина и сборника Л.Н. Майкова «Пушкин» 1899» [11: 422]. Таким образом, С.Л. Франк обращается к основам основ литературоведческих исследований, эдиционной практике, текстологии и академическим изданиям. Пушкиноведение признается ценностным ядром гуманитарной науки: «Едва ли не каждая строка рукописей Пушкина, каждое устное его слово, переданное современниками, каждый день его жизни изучены с основательностью, довольно редкой в других областях русской науки» [11: 422].

Так в чем же состоит проблемная основа статьи «О задачах познания Пушкина»? Круг задач, связанных с академическим литературоведением, казалось бы, исчерпан. На рубеже XIX–XX вв. проведена большая исследовательская работа, нашедшая отражение в публикациях, основанных на серьезных научных разысканиях пушкинистов. Поэтому С.Л. Франк ставит вопрос о перспективах науки о Пушкине, о выполнении задач, еще должным образом не осмысленных: «Общая задача познания Пушкина есть ...отличная от основных, господствующих тем пушкиноведения, задача познания духовного мира Пушкина, во всей широте, сложности и проблематике этого предмета» [11: 426].

Основной задачей пушкиноведения, по мнению философа, является задача познания духовного мира Пушкина: «Как бы то ни было, если мы ...признаем Пушкина величайшим русским гением, величайшим представителем русского духа, то пора, наконец, приступить к серьезному и внимательному познанию духовного мира этого гения. Это есть прежде всего просто задача русского национального самосознания: ибо гений есть, конечно, наилучший, наиболее адекватный выразитель самой субстанции национального духа» [11: 425]. Таким образом, наука о Пушкине обретает масштабные задачи национального самопознания.

Вслед за предшественниками, в том числе за Д.С. Мережковским и М.О. Гершензоном, С.Л. Франк развивает идею мудрости Пушкина: «Исторические, политические и историко-софские мысли и обобщения укладываются непосредственно в общие рамки его *жизненной мудрости*, примыкают к его наблюдениям над человеком и его судьбой вообще. Его замечания на основные, вечные темы человеческой жизни – мысли о женщинах, о любви, браке и семье, о дружбе, об уединении и общении, его этические размышления, его глубоко своеобразные и прочувствованные религиозные идеи образуют почти неисчерпаемую сокровищницу исключительно ценных, гениально умных идей. И притом эти мысли, выраженные всегда лаконически кратко, часто лишь бегло намеченные, всегда изумительно просты, живы, конкретны и трезвы» [11: 427–428]. Исследуя мудрость национального поэта, по мнению Франка, возможно приобщиться к познанию духовной жизни русского человека.

Пушкинский код в эмигрантской философской критике стал концентратом представлений о русскости, обращенной как к концепции формирования русского литературного языка, создания национальной литературы, так и к идее отражения самой природы русской души в творчестве Пушкина. Пророческий путь поэта, отраженный в его творчестве, соотносится со «светским евангелием», а его страдальческая кончина осмысливается в парадигме «страстного пути» России. Эти идеи станут ключевыми для русских философов первой волны эмиграции. Так в том же 1837 г. И.А. Ильин готовит речь «Пророческое призвание Пушкина», которую произносит в дни памяти Пушкина в Риге. В его речи также центральной идеей становится пророческая миссия Пушкина: «Мы говорим не о церковной «святости» нашего великого поэта, а о его *пророческой силе и о божественной открытости его творчества*» [11: 330]. Таким образом, сакральная основа творчества поэта транслировалась и на те задачи, которые должна была решать пушкинистика.

Несмотря на то что русские философы А.В. Карташев и С.Л. Франк шли, казалось бы, абсолютно разными путями в определении пушкинистики как науки и ее роли в системе гуманитарного знания, они приходят к единому вектору осмысления воздействия и творчества Пушкина, и пушкинистики на судьбу России. Этот вектор основан на понимании возможностей приобщения к знанию о природе русской души, заложенного в художественной системе Пушкина, и о соотношении страстного пути поэта с Евангельской историей. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрова А.С. Краткая история пушкинистики: как изучали Пушкина с середины XIX века и до наших дней. gorky.media/context/kratkaya-istoriya-pushkinistiki/.
2. Бондарева Е.А., Мухачев Ю.В. Русская эмиграция в Югославии (1920–1945) // Русское зарубежье: история и современность: Сборник статей. М., 2015.
3. «В краю чужом...». Зарубежная Россия и Пушкин / Сост. М.Д. Филин. М.; Рыбинск, 1998.
4. Гинс Г.К. Столетие со дня смерти А.С. Пушкина (1837–1937) // Россия и Пушкин: Сборник статей. Харбин, 1937.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1984. Т. 26.
6. Кузина Г.А. Значение Дней русской культуры в жизни российской эмиграции первой волны // Культура российского зарубежья. М., 1995.
7. Литературная энциклопедия русского зарубежья, 1918–1940. М., 1997–2006. Т. 1–4.
8. Маяковский В.В., Бурлюк Д.Д., Крученых А.Е., Хлебников В.В. Пощечина общественному вкусу: [Из альманаха] // В.В. Маяковский. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1961. Т. 13.
9. Муромцева Л.П. Праздники и памятные даты в жизни российской эмиграции // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2013. № 6. cyberleninka.ru/article/n/prazdniki-i-pamyatnye-daty-v-zhizni-rossiyskoj-emigratsii.
10. Петрова Т.Г. Литературная критика русской эмиграции первой волны. М., 2010.
11. Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX в. М., 1990.
12. Пушкин и культура русского зарубежья. М., 2000.
13. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994.
14. Терапиано Ю.К. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Париж; Нью-Йорк, 1987.
15. Филин М.Д. Пушкиниана русского зарубежья: Материалы для библиографии // Московский пушкинист: Ежегодный сборник / Рос. АН. ИМЛИ им. А.М. Горького. Пушкинская комиссия. Вып. V. М., 1998.
16. Фридлиндер Г.М. Первая биография Пушкина // П.В. Анненков. Материалы для биографии А.С. Пушкина. М., 1984.
17. Центральный пушкинский комитет в Париже (1935–1937) // Сост. и предисл. М.Д. Филина. Т. 1. М., 2000.
18. Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы / Вступ. статья и примеч. Я.Л. Левкович. М., 1987.

References

1. Bodrova A.S. Kratkaya istoriya pushkinistiki: kak izuchali Pushkina s serediny XIX veka i do nashih dnei. gorky.media/context/kratkaya-istoriya-pushkinistiki/.
2. Bondareva E.A., Mухachev Yu.V. Russkaya emigraciya v Yugoslavii (1920–1945) // Russkoe zarubezh'e: istoriya i sovremennost': Sbornik statej. M., 2015.
3. «V krayu chuzhom...». Zarubezhnaya Rossiya i Pushkin / Sost. M.D. Filin. M.; Rybinsk, 1998.
4. Gins G.K. Stoletie so dnya smerti A.S. Pushkina (1837–1937) // Rossiya i Pushkin: Sbornik statej. Harbin, 1937.
5. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t. L., 1984. T. 26.
6. Kuzina G.A. Znachenie Dnej russkoj kul'tury v zhizni rossijskoj emigracii pervoj volny // Kul'tura Rossijskogo zarubezh'ya. M., 1995.
7. Literaturnaya enciklopediya Russkogo zarubezh'ya, 1918–1940. M., 1997–2006. T. 1–4.
8. Mayakovskij V.V., Burljuk D.D., Kruchenyh A. E., Hlebnikov V.V. Poshchечina obshchestvennomu vkusu: [Iz al'manaha] // V.V. Mayakovskij. Polnoe sobranie sochinenij: V 13 t. M., 1961. T. 13.
9. Muromceva L.P. Prazdniki i pamyatnye daty v zhizni rossijskoj emigracii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya. 2013. № 6. cyberleninka.ru/article/n/prazdniki-i-pamyatnye-daty-v-zhizni-rossiyskoj-emigratsii.
10. Petrova T.G. Literaturnaya kritika russkoj emigracii pervoj volny. M., 2010.
11. Pushkin v russkoj filosofskoj kritike. Konec XIX – pervaya polovina XX v. M., 1990.
12. Pushkin i kul'tura russkogo zarubezh'ya. M., 2000.
13. Raev M. Rossiya za rubezhom: Istoriya kul'tury russkoj emigracii. 1919–1939. M., 1994.
14. Terapiano Yu.K. Literaturnaya zhizn' russkogo Parizha za polveka (1924–1974). Parizh; N'yu-Jork, 1987.
15. Filin M.D. Pushkiniana russkogo zarubezh'ya: Materialy dlya bibliografii // Moskovskij pushkinist: Ezhegodnyj sbornik / Ros. AN. IMLI im. A.M. Gor'kogo. Pushkinskaya komissiya. Vyp. V. M., 1998.
16. Fridlender G.M. Pervaya biografiya Pushkina // P.V. Annenkov. Materialy dlya biografii A.S. Pushkina. M., 1984.

17. Central'nyj pushkinskij komitet v Parizhe (1935–1937) // Sost. i predisl. M.D. Filina. T. 1. M., 2000.
18. Shchegolev P.E. Duel' i smert' Pushkina: Issledovanie i materialy / Vstupit. stat'ya i primech. Ya.L. Levkovich. M., 1987.

Е.М. Afanasyeva

Pushkin State Russian language Institute
Moscow, Russia

THE ROLE OF PUSHKIN STUDIES IN THE ASSESSMENT OF PHILOSOPHERS OF THE FIRST WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION: A.V. KARTASHEV AND S.L. FRANC

Pushkin studies, A.S. Pushkin, Russian emigration, A.V. Kartashev, S.L. Frank.

Russian intellectuals, who did not accept the revolutionary changes, were forced to leave their Homeland, and the beginning of the first wave of emigration took place on the wave of unfinished disputes about Pushkin for the fate of Russian culture. These disputes became the basis of philosophical concepts about the goals and objectives of Pushkin studies as a science designed to reveal the phenomenon of Pushkin's creativity. The article deals with the concepts of V.A. Kartashev and S.L. Frank. Their works were written for the 100th anniversary of Pushkin's death. Theologian V.A. Kartashev in the article *The Face of Pushkin* raised the question of the existence of «passive Pushkin studies». His concept focused attention on a phenomenon that would become an important feature of the Russian intelligentsia of the XXth century. Amateur or folk Pushkin studies are based on an attentive attitude to academic Pushkin studies and are connected with readers' reflection based on the deepest knowledge of Pushkin's life and work. S.L. Frank addresses the problem of setting key tasks for academic science. They, according to the philosopher, include the study of the spiritual world of Pushkin as a fact of national self-knowledge. Despite the difference in the interpretation of Pushkin studies, both researchers are based on the idea of Pushkin's prophetic mission and the science that explores his work.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

Президент Владимир Путин подписал закон о либерализации процедуры получения гражданства РФ для родителей и детей граждан нашей страны. Документ опубликовали 13 июля на официальном портале правовой информации.

Процедура получения паспорта будет облегчена для иностранцев, чьи дети уже обладают гражданством России и достигли 18 лет. На сегодняшний день это положение распространяется только на нетрудоспособных людей, которые имеют дееспособных совершеннолетних детей с российским паспортом.

В 2017 г. по этому положению гражданами России стали более 7 тысяч человек, в 2018 г. их количество превысило 8 тысяч. В первую половину прошлого года им воспользовались почти 4,5 тысячи соискателей.

Документ на рассмотрение нижней палаты парламента внесло Правительство РФ. В пояснительной записке отмечается, что законопроект позволит приобретать гражданство России иностранцам, которые поддерживают родственные отношения со своей семьей и взрослыми детьми.

Решение о принятии в гражданство несовершеннолетних в упрощенном порядке может быть принято, даже если соискателю исполнилось 18 лет в период рассмотрения заявления, поданного его законными представителями. Кроме того, согласно документу, у всех иностранцев, собирающихся получить российское гражданство, будут брать отпечатки пальцев.

В марте 2020 г. был принят закон об упрощении получения гражданства РФ для украинских и белорусских граждан. Для них было отменено собеседование по русскому языку. Теперь они могут признаваться носителями языка без экзамена, что, в свою очередь, дает им возможность претендовать на российское гражданство в упрощенном порядке.

По материалам сайта russkiymir.ru